

Классик разговорного жанра

В гостях у “Солидарности” побывал заслуженный артист России, известный куплетист-юморист Михаил ВАШУКОВ.

С фотографии на сайте Творческого объединения солистов и исполнителей на меня смотрел голубоглазый улыбающийся мужчина. “Заслуженный артист России” - гласила подпись под фото. Именно с ним, с Михаилом ВАШУКОВЫМ, мне предстояло встретиться на интервью в редакции “Солидарности”. В его “послужном списке” - и более 20 лет работы в известном дуэте куплетистов Вашуков - Бандурин, и работа в популярной программе “Кривое зеркало”, и участие в массе юмористических передач, и богатейший эстрадный опыт, соединивший в себе две российские эпохи.

Опасения, что улыбка и доброжелательность Михаила Юрьевича - лишь дань профессии, рассеялось в первые же минуты общения. А после встречи я назвала его для себя человеком трех “И” - искренность, искрометность, интуиция.

ПО ПУТИ НА ЭКРАН

- Михаил Юрьевич, сейчас трудно представить юмористическую программу на центральных телеканалах, идущую без участия дуэта Вашуков - Бандурин. Сложно ли было пробиться на экран, ведь артистов разговорного жанра, наверное, немало?

- Мы с Колей Бандуриным, наверное, были направлены кем-то свыше, потому что у нас не было ни одного провального концерта. Я думаю, что мы попали в такое время, когда после ухода основных куплетистов, наших учителей Павла Рудакова и Вениамина Нечаева, появился пробел, пустота, которую надо было заполнить. И мы ее успешно заполнили на целых 23 года. Сейчас в нашей профессии молодым безумно трудно. Вот снимаюсь в программе “Смеяться разрешается” и не раз приносил туда кассеты с записями выступлений, приводил молодых исполнителей. Их снимают, потом делается

программа, но кадры с выступлениями молодежи в эфир не идут. И из раза в раз повторяется одна и та же ситуация.

- Артистические задатки, как это принято называть, проявлялись у вас с детства?

- Честно говоря, сначала я считал, что стану великим спортсменом. В школьном возрасте играл за сборную Ленинграда в волейбол, был председателем Совета командиров Василеостровского района, Василеостровской спортивной школы. Вообще всеми видами спорта увлекался, да и сейчас прекрасно играю в футбол и баскетбол. А после школы я вдруг начал активно заниматься самодеятельностью. Для начала, поступив в училище и выучившись, стал монтажником радиоаппаратуры на заводе “Волна” НПО им. Коминтерна. И именно тогда впервые вышел на сцену как участник художественной самодеятельности завода. Однажды, будучи уже секретарем заводской комсомольской организации, ни с того ни с сего пошел на семинар работников культуры и показал там номер - живую, без гитары. Я был самым молодым участником, и руководитель эстрадного отделения Музыкального училища при Ленинградской государственной консерватории им. Римского-Корсакова, проводивший семинар, меня заметил. “Михаил, как вы смотрите на то, чтобы к нам в музыкальное училище пойти учиться?” - говорит он мне. - У нас есть отдел разговорной эстрады, где мы готовим концерансье, ведущих концертов, артистов разговорного жанра...” Я, конечно, был польщен, но решение поступать в училище пришло не сразу. Меня тогда направили в высшую профсоюзную школу культуры, характеристику написали, как космонавту! И как-то во время обеденного перерыва на курсах взял да и зашел в музыкальное училище, благо оно было неподалеку. Там мне понравилось, и потом, также во время обеденных перерывов, занимался, сдавал экзамены. И поступил.

- Насколько мне известно, со своим будущим партнером Николаем Бандуриным вы познакомились именно в музыкальном училище...

- Да, но могли бы познакомиться и раньше. Когда я работал монтажником радиоаппаратуры, Коля был токарем-универсалом на Кировском заводе, расположенном практически напротив нашего НПО, через проспект Стачек. Несколько лет мы ходили по одной и той же дороге, но вот познакомились только в консерватории. Познакомились - и решили работать вместе.

После диплома нас распределили в Новгородскую филармонию. Мест в Ленконцерте, где и без нас было 300 “разговорников”, не было. Но через год вернулись в Ленинград. Сначала в Ленконцерт взяли Колю, меня - позже, вместо Ромы Казакова. Мне позвонили: “Миша, освободилось место”. Я прибегаю в отдел кадров: “Запишите меня в разговорный отдел”. Мне говорят: “А вместо кого вы?” - “Не знаю”. Я поднимаюсь к худруку и узнаю: умер Рома Казаков. Это первый партнер Ильи Олейникова. (“Ну, вопрос, конечно, интересный” - помните такой номер?) И мне вдруг так стало нехорошо. Я любил этот дуэт. Я подхожу к Бандурину и говорю: “Меня взяли вместо Ромы Казакова”. - “Ну и что, будешь нести его крест на себе”, - ответил Николай.

- Как скоро, став артистами Ленконцерта, начали выступать?

- Практически сразу же. Нам сказали: либо сейчас выступаете, проходите худсовет, либо только осенью (а была весна). Мы подумали: чего тянуть? И вышли. Худсовету показали с номером, уже с куплетами, Павел Васильевич Рудаков показал Коле, как играется на гармошке двумя пальцами, и уехал в Кисловодск отдыхать. Из семи членов жюри трое были против, сказали, что куплеты - это уже архаика. Трое были - за. И тут

художественный руководитель эстрады Государственного концертно-филармонического учреждения “Петербург-концерт” Бен Николаевич Беницианов сказал: “Я посмотрел сейчас на ребят, и меня такая ностальгия охватила... Пускай попробуют”. И свой голос в нашу сторону - бах! А после худсовета мы уже вечером в Октябрьском зале работали концерт. И все, с этого дня все пошло-поехало, и все было замечательно...

РАБОТАЕМ!

- Вы выступали с юмористическими и сатирическими куплетами и во времена СССР, и после его распада. Насколько строже была цензура в 80-х, и насколько реально шутить, как хочется, в наши дни?

- В 80-е годы было жестко, но шутить мы имели право. Дело в том, что мы являлись партийными людьми (улыбается). Был случай, когда на концерте мы спели куплет:

В Ленинграде дамбу строят.
День и ночь кипит работа.
У лягушек праздник скоро -
Будет новое болото.

А на концерте был секретарь парткома дамбы. Естественно, соответствующая бумага потом пришла в Ленконцерт. Правда, обвиняли не нас (ну как такое от молодых ожидать?), а известного куплетиста Германа Орлова. Его вызывают на партком, а он говорит: не я это. Потом, конечно, узнали, что это мы. Нам - по выговору, с занесением (улыбается).

Мы писали очень острые куплеты и частушки. Например, начинали выступление с куплета:

Ты куда идешь, страна?
Я иду тихонько на...
На работу? На учење?
Нет, просто “на”, без уточненья.

И зритель понимал, что сейчас будет что-то такое, с перчиком. Наши куплеты принимались очень хорошо, причем всеми - и партийными, и беспартийными зрителями. Больше всего мы, конечно, работали на простую публику, на людей, которые каждый день встречаются нам на концертных площадках, в метро, на улицах, в магазинах, где угодно. И сейчас сатирический куплет востребован как никогда. Но вот считается, что у нас все хорошо в стране и сатиры быть не должно. И поэтому, когда звучит какой-то сатирический намек, то сразу возникает у людей желание убрать этот куплет. А если убрать куплет - значит, убрать все произведение.

- Стихи для куплетов вы писали и пишете сами?

- И сами писали, и авторы у нас были. До сих пор у меня автор замечательный есть, который писал еще Рудакову и Нечаеву, - Георгий Карпович Терекон. Он легендарный человек! Дома у Георгия Карповича целые стеллажи книг, которые он сам написал про куплеты, и к ним - картотека. Я звоню и говорю: “Георгий Карпович, нужен материал. Срочно”. Он спрашивает, на какую тему, отыскивает куплеты времен 60 - 70 годов прошлого века, и в большинстве случаев они попадают в точку. То есть практически ничего не изменилось в некоторых моментах нашей жизни! А Лион Измайлов вообще

говорит так: “Вот я написал смешной материал, он себя отработал, я его откладываю. Проходит семь лет, я его выпускаю - он как свеженький, чуть-чуть поменял два слова, и все”.

- А зарабатывали в советское время много?

- Ставка за концерт была 4 рубля 50 копеек. И мы умудрялись в месяц сделать 70 - 80 концертов, чтобы принести домой деньги. По тем временам у всех была зарплата 120 рублей, а я получал где-то 300 - 350 в месяц. Это было нормально. Но работали мы много, с постоянными поездками - с кофром, гитарой на себе, спина сорвана...

У нас была обширная концертная география. Нам с Колей, когда начинали, было в диковинку все: нравилось ездить, летать куда угодно. Мы повесили карту Советского Союза и стали втыкать флажки в обозначения городов, где мы были. Потом флажки стали выпадать, мы стали обводить города кружочками. Когда кружочки стали повторяться, мы стали кружочки в треугольнички обрамлять, потом треугольнички - в квадратики. И когда получилась карта Советского Союза вся черная, мы поняли, что дальше этим заниматься бессмысленно. А дома было так: смотрим программу “Время” - “Прогноз погоды”. Допустим, показывают: в Красноярске - минус столько-то, и вид города на экране. И сын все время спрашивал: “А ты там был?” - “Был”. И про каждый город, по большому счету, можно что-то рассказать, потому что везде происходило что-то интересное. Можно говорить бесконечно...

- Какие гастроли вам запомнились больше всего?

- Мы входили в группу Кобзона, так называемую “группу риска”. Вылетали на гастроли по первому вызову. Звонила его директор и говорила: “Миша, Коля, нужно срочно поднять, мы ждем вас в аэропорту”. А мы даже не знали, куда летим, и только в самолете, когда приходил Кобзон, узнавали маршрут. “Группа риска” Кобзона побывала во всех горячих точках. Несколько раз мы выступали в Чечне. Помню, как я впервые увидел Грозный: стены стоят голые, как в Сталинграде во время Великой Отечественной, после бомбежек. Проезжаешь по улице, окна в некоторых домах целлофаном занавешены, и написано: “Не стреляйте, здесь живут люди”. И горит либо свеча, либо еще что-то. Кто-то еще в развалинах оставался жить...

Помню, во время одного концерта зрители вместо аплодисментов стреляли из оружия вверх. А потом ощущение такое, что стоишь под дождем из гильз. Выступали мы на стадионе, и люди сидели не только на зрительских местах, но и на крышах соседних домов. После концерта подходит чеченец и говорит: “О, какой концерт, с крыши смотрел!” Колька спрашивает: “У вас, наверное, бинокль?” - “Нет”. И показывает нам винтовку с оптическим прицелом... Он через прицел смотрел концерт.

- Было страшно?

- Да. Нам для переездов дали старый микроавтобус. Помню, едем колонной - впереди с омовцами автобус, сзади БТР идет. Справа-слева - битые БТРы, сгоревшие машины... Ощущение, когда смотришь по сторонам: вот сейчас из-за кустов кто-нибудь стрельнет. Но ничего, проехали. У дороги - табличка с надписью “Ингушетия”, и только мы ее проехали, все наше сопровождение куда-то испарилось! А вокруг пейзаж не изменился... Словом, когда мы приехали в пункт назначения, все наши уже сидели и ужинали в ресторане. И тут заходим мы... седые.

ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

- Вообще мы всегда были легки на подъем. Нам ведь и инструментов особых даже не надо было, мы работали только живьем: гармошка-концертина у Коли и гитара у меня.... Мы 10 лет отработали в Ленконцерте, а потом вот уже 15 лет мы с Николаем Бандуриным в Москве. Сначала в Москонцерте, а потом каждый из нас разошелся в разные организации...

- *Честно говоря, почти каждый день видя ваш дуэт на экране телевизора, я даже не знала, что Бандурин и Вашуков больше не выступают вместе.*

- Мы перестали выступать вместе четыре года назад. И какого бы партнера я не попробовал рядом с собой - не принимают зрители. Они весь номер сидят и смотрят, сравнивают. И до сих пор кричат: "Где Бандурин?" Я отшучиваюсь: "Поменял ориентацию". Люди спрашивают на концертах: почему вас нет на экране? Потому что не пускают на экран меня одного. Пускают старые записи нас с Бандуриным, потому что это был бренд хороший, имидж, нас друг без друга не воспринимают...

- *Что же стало причиной разрыва?*

- Я вспоминаю куплеты, которые мы пели. Анализирую, правильно ли мы все делали. Потому что у нас возникли разногласия на этот счет. Всегда, наверное, артист приходит к такому моменту, когда нужно понять, правильно ли ты делаешь и что делать дальше. Мы на этот вопрос ответа не нашли...

Мы с Колей очень много лет вместе, из одной миски хлебали, когда начинали работать на эстраде. Это сейчас можно вздохнуть и вспомнить об этом со смехом. А тогда - вкладчину жили. Работали, женились, снова работали, а четыре года назад разошлись. Они приехали с Мариной, директором нашим, его женой, и сказали, что мы больше вместе не работаем, хотим работать по отдельности. Все бы ничего, люди когда-нибудь приходят к такому мнению. У нас коллектив был - три человека: мы с Колей и его жена. К сожалению, она, наверное, очень сильно руководила не только нами, но и им в домашних условиях, поэтому он принял ее сторону. Самое неприятное, что у меня за спиной подготовили замену мне, не сказав... Нечестно.

Павел Васильевич Рудаков, я все время к нему обращаюсь, он нам, молодым, в свое время говорил: "Ни в коем случае не делайте своих жен директорами, это приведет к гибели". В его жизни произошла подобная ситуация. Его жена была директором дуэта Рудаков - Нечаев, и эту знаменитую пару развели жены. Но у них был квартирный вопрос. Нам делить, по большому счету, было нечего.

- *Чем вы занимаетесь после распада дуэта?*

- Я продолжаю сочинять и исполнять куплеты, веду концерты, корпоративные вечера. Если я свободен, я всегда поеду и отработаю, чего сидеть. Артист должен находиться в тренинге. Если месяц-два сидеть без работы - я на себе испытал - выходишь и начинаешь мандражировать на сцене.

- *Вместе с Николаем Бандуриным вы долго были постоянными участниками "Кривого зеркала". После разрыва вы оба остались в программе?*

- Я по-прежнему артист программы "Кривое зеркало", Николай ушел. Но мы вместе

участвуем в программе “Смеяться разрешается”. Вообще-то Николай не единственный, кто ушел из “Зеркала”. Например, раньше в программе участвовал украинский дуэт - Данилец и Моисеенко. (Помните? “Кролики - это не только ценный мех...”) Сейчас они из программы ушли, вернулись в Киев... Но когда они приезжают в Россию, всегда приезжают ко мне на дачу. И я всегда вывешиваю украинский флаг. Жена же у меня хохлушка, и по приезде ребят она сразу начинала на украинском языке разговаривать, хотя они говорят на русском... Кто еще? Братья Пономаренко. Сейчас они в Израиле с “Аншлагом”, снимают новую передачу с Региной Дубовицкой. Они тоже ушли из “Кривого Зеркала”. Очень трудно, потому что “Зеркало” - это особая статья, нужно на месяц попрощаться с родными: с утра репетиция, вечером проверочный концерт, ночью студия - и так в течение месяца. Отснимем все - и разбегаемся примерно на полгода. И каждый занимается своими делами.

О ЮМОРЕ И ПОШЛОСТИ

- Сейчас на телевидении появилось множество юмористических программ. Но некоторые шутки, порой бывает, кажутся весьма пошлыми...

- Это проблема, не зависящая от артистов. Потому что от артистов требуют, чтобы они давали продукт. Причем быстро. А быстрый продукт - это тяп-ляп. Просто пошлый. Раньше был худсовет, раньше этого не допускали. Сейчас - кто во что горазд, сейчас некоторые авторы выходят и читают с листа свой текст, который они вчера написали, не проверив нигде. К примеру, в “Кривом зеркале” такого никогда не позволит Евгений Ваганович Петросян, потому что мы делаем шесть-семь проверочных концертов. Если нет реакции на шутку - она никогда не попадет на экран. И, конечно, он контролирует, чтобы не было пошлости.

Я, когда сажусь в зрительный зал, смеюсь так же, как зритель. Я умею отключиться от того, что я артист. Вот КВНщики выдвинули такую версию: если смешно - значит, не пошло. Это не так. Просто надо делать так, чтобы это было смешно, но не пошло. Другая формулировка. Не должно быть скабрёзности. Раньше ее и не было. Если есть подтекст, на который ложится чуть-чуть юморочек другого плана, - это нормально, каждый думает в меру своей испорченности. Не открыто говорится “ж...”, а подтекстом. В этом была изюминка. А сейчас - в открытую, со сцены и с экрана дворовый юмор, с улицы, из автобуса, из метро...

Давайте тогда уж в фуфайках будем ходить по сцене, в сапогах приходите в театр. Вот к этому все у нас идет. У меня есть куплеты в тему:

Пропел я на песни былые
немало куплетов лихих.
Сегодня же песни такие,
куплеты не сложишь на них.

Бессмыслица режет нам ухо, от текста бросает нас в пот,
Не все еще песни пока что чернуха, но к этому дело идет.

- А какие юмористические программы вам кажутся по-настоящему смешными?

- Мне нравится вообще юмор, когда он доступен, когда он прост. Я смеюсь, когда включаю “Прожекторперисхилтон”. Это уже следующее поколение ребят, они хорошие импровизаторы, но и у них уже начинают появляться штампики, они начинают

повторяться. Потому что не бесконечен человек, он не может выдавать все время новое. Я периодически смотрю “Камеди Клуб”. Конечно, когда начинается скабрзность - это раздражает, и я переключаю программу.

ЛИЧНОЕ

- Почему-то считается, что люди, чья профессия связана с юмором, в обычной жизни грустные или мрачные...

- Я не считаю себя мрачным человеком. Наверное, у любого человека бывают моменты, когда все надоедает. Но депрессия легко убирается. Я сажусь за компьютер напечатать какие-то тексты, беру гитарку в руки... Я могу быть грустным только наедине с самим собой. А когда собираются люди, и если меж ними есть какая-то натянутость, естественно, я тихонечко, пытаюсь делать так, чтобы атмосфера была чуть-чуть другой. Это на каждом концерте, зритель ведь каждый раз разный. Вот у нас вчера был концерт для ветеранов в госпитале. Мы заходим, я говорю: “Здравствуйте, мы артисты, куда нам идти?” Выходит навстречу мужик и говорит: “Какие на хрен артисты! У нас люди тут умирают, а вы тут с концертами...” Я зашел, ветераны сидят - в основном пожилые люди. И по ходу концерта у них глаза загораются, а потом они говорят: “Михаил, спасибо вам большое, никакого лечения не надо. Мы забыли на несколько минут про свои болячки, смеялись, это самое лучшее лечение”.

- Вы сами пишете текст к юмористическим куплетам. А лирические стихи когда-нибудь сочиняли?

- Обязательно. Я писал только стихами все письма, какие-то поздравления, и супруге в том числе. Кстати, о лирике. Моя жена педагог. Когда мы познакомились в Ленинграде, она жила при школе, там был концертный зал, где мы репетировали. Она так хорошо готовила! У нас был театр - семь человек, и мы все стали к ней каждый день ходить. А она готовит и готовит... Я думаю: вот какая женщина хорошая! Она нас кормила, и когда прошло два месяца, говорит мне: “Михаил, я понимаю, что у меня тут общежитие при школе, но не весь же курс кормить? Давай уже серьезные отношения налаживать”. Я согласился. Мы уезжали на гастроли на три месяца, на все лето. Говорю, мол, проверим чувства, приеду - и мы поженимся. Но заявление в ЗАГС мы подали еще до гастролей. Я уехал на гастроли, а там другая жизнь. Писал будущей жене письма в стихах между концертами и застольями. Приехал, а она говорит: “У нас заявление подано”. И я понимаю, как я попал... Пошли и поженились. Кстати, успешно - до сих пор вместе, и у нас хороший сын - не артист.

- Вы считаете себя успешным человеком?

- Точно знаю, что мы с Бандуриным получили все, что могли, потому что не было практически такой концертной площадки, такого концерта, где бы мы не участвовали. Все у нас было: и диски, и плакаты, все что угодно! Народ узнает. Вот сегодня открыли новый магазин, зашел с женой посмотреть. Народ сбегается, продавцы смотрят, что пришел. Я стараюсь на это не обращать внимания, “будь проще - и люди к тебе потянутся”. А вот поклонниц нет, и это замечательно. У нас такой жанр. Поклонницы - те, кто приходит на концерт. Сейчас настало такое время, может быть, мы пропустили, проморгали своих поклонниц. Приходят женщины в возрасте и говорят: “Моя мама так вас любит!” А молоденькие подбегают: “Бабушка просто в восторге!”

- *Каковы ваши планы на будущее?*

- Жанр, в котором я работаю, был востребован прежде, востребован и сейчас. Поэтому в планах - работа. И слава богу.

Беседовала Наталья КОЧЕМИНА

Фото Николая ФЕДОРОВА

Источник <http://www.solidarnost.org/>